

Мир, вертящийся

Культурные традиции, старинные обряды и ритуалы, оказывается, продолжают жить в нашей повседневности

Каким образом это происходит? На этот вопрос ищут ответ сотрудники Пропповского центра, которые уже много лет проводят исследования и в Архангельской области.

В этом году полевые исследования проходили в Пинежском округе, в селе Долгощелье, в деревне Койде Мезенского округа, а также в селе Вожгора Лешуконского округа. Светлана Адоньева, директор Пропповского центра, профессор, доктор филологических наук, также приезжала в Мезень.

Там удалось с ней встретиться и поговорить. Сначала о самом Пропповском центре – почему возникла необходимость в его создании, а также об особенностях исследований, которые проводят сотрудники центра.

Какая она, российская повседневность?

– Автономная некоммерческая организация «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры» была зарегистрирована в 2000 году, – рассказывает Светлана Борисовна. – Мы его учредили вместе с моей уже покойной коллегой, учителем и другом Натальей Михайловной Герасимовой. И она, и я были преподавателями Санкт-Петербургского государственного университета, мы работали на кафедре русской литературы. В 1990-е годы у нас возникали проекты, которые не попадали в основное направление нашей университетской деятельности, например выставки, просветительские проекты. Поэтому мы решили, что нужно учредить такую организацию, которая позволяла бы это делать. Основная уставная деятельность нашей организации – научные исследования в области русской традиционной культуры и популяризация отечественного культурного и социального наследия в виде изданий, выставок, публичных лекций и так далее.

С того времени мы стали создавать электронный архив полевых исследований «Российская повседневность» (daytodaydata.ru). Наибольшую часть архива занимают результаты исследований двух областей – Вологодской и Архангельской. Самые ранние записи в Архангельской области были сделаны в Плесецком и Онежском районах в конце 1970-х годов. Позже, в 1983, 1984 и 1986 годах, мы работали в Пинежском районе. С 1988 по 2006 год исследовали Белозерский край и северо-восточные районы Вологодской области. С 2007 года вновь вернулись в Архангельскую область и стали медленно и планомерно двигаться от низовий Мезени вверх. Потихонечку-потихонечку, иногда проводя два-три сезона в одной деревне. Но это наш принцип работы.

– **Какие задачи вы решаете в ходе этих исследований?**

– Мы никуда не спешим – наша задача состоит не только в том, чтобы записать фольклорные тексты. Мы хотим понять, зачем они людям, какие задачи решают

люди, прибегая к фольклору. А также – каким образом традиционный крестьянский фольклор существует в современном мире, когда крестьянство как сословие давно уже не существует.

– **Кто принимает участие в этих исследованиях?**

– Практически всегда с нами, фольклористами, в экспедициях участвуют лингвисты, филологи, философы, психологи, художники. В экспедициях обязательно участвуют студенты, для них полевая практика – обязательная часть фольклорной научной школы. Основу группы обычно составляют преподаватели и аспиранты СПбГУ.

Следующий этап исследования, который наступает по возвращении из поездки, – расшифровка собранного материала, его камеральная обработка, описание и анализ. Она уже проходит в Пропповском центре, и это большая и сложная работа. Затем все материалы попадают в электронный архив «Российская повседневность», о котором я уже говорила. Эти материалы можно найти, зайдя на сайт архива. Например, в окне поиска можно набрать фамилию человека и увидеть, сколько от него было сделано записей, название деревни, и увидеть от кого и когда были сделаны там записи. Если кто-то из близких, дети или внуки, а также исследователи захотят познакомиться с интервью, которые мы проводили с тем или иным человеком, можно написать нам и мы предоставим возможность пользоваться данными. Кроме аудиоинтервью и их расшифровок, в архив также загружены фотографии и видеозаписи, они в открытом доступе.

По результатам наших полевых исследований мы разработали серию книг, которая называется «Традиционный фольклор в современных записях». Первый двухтомник «Магические практики севернорусских деревень. Заговоры, обереги, лечебные ритуалы» вышел в 2020 году. В 2022 году вышло двухтомное издание, посвященное практике материнства, – «Материнство в советской деревне». Мне очень нравится это исследование, над ним работали мои коллеги Любовь Голубева и Софья Куприянова. Они проделали огромную аналитическую работу, исследовав все архивные записи, в которых речь шла о родах, уходе за младенцем, заговорах и целительских практиках, направленных на матерей и детей.

Франц Рисс. Колыбельная песня

«Тепло, темно, а вокруг родные люди»

– **Какой период был взят для этих исследований?**

– С двадцатых годов прошлого века, времени материнства наших самых старших информанток, и до наших дней. Для нас главное – не просто записать текст или зафиксировать ту или иную практику, например заговор от испуга или ритуал «водворения» младенца, но понять, как меняются практики, что с ними происходит во времени.

Для этого мы разделили наших информантов по поколениям. И, соответственно, весь материал разложили так, чтобы можно было проследить, что говорят о беременности и родах, об уходе за ребёнком женщины 1950-х годов рождения, что говорили их матери, что говорили их бабушки. И тогда картина видна, она объёмная. Мы видим, что тексты и практики меняются. Это даёт возможность понять, что фольклор – это не нечто неподвижное, он пластично подстраивается к историческим обстоятельствам.

Например, в Мезенском и Лешуконском районах женщины рожали дома вплоть до 70-х годов. И это были совсем другие, отличные от опыта современных матерей, роды. Важно для нас не оценивать практики как хорошие или плохие. Важно было различить тот факт, что за ними скрывается другое представление о том, что это за событие.

– **Сейчас снова становятся востребованными домашние роды. Насколько они схожи с теми, которые были естественными для жителей северных деревень?**

– Современные городские практики домашних родов используют то, что имело место в деревенской традиции, это хорошо видно. Переломом в традиции стала советская медицина, в деревнях появились фельдшеры и акушерки.

Но когда стали разговаривать с бывшими фельдшерами, которые работали сразу после войны, выяснилось, что у них к домашним родам отношение не было однозначно отрицательным, хотя именно такое отношение было представлено в просветительской медицинской литературе того времени. Представьте, что фельдшер, а это чаще всего женщина, приезжает в деревню принимать роды. Она знает, как это должно быть по известному ей из медицинского института протоколу, но не знает, как принимать роды в потёмках, в деревнях не было электричества в то время. Одна из акушеров рассказывала: «Я лучину во рту держала, чтобы посмотреть, как идёт родовая деятельность». И это была вполне обычная для 1950-х годов история. И очень часто фельдшеры работали вместе с «бабками», то есть повитухами, которые принимали роды в этой деревне многие годы и имели большой опыт. И это был другой опыт.

– **Но и роженицы тоже получали новый опыт, когда роды проходили уже с медицинским работником?**

– Мы записывали рассказ о том, как женщина, которая первого и второго ребёнка родила с повитухой, а потом поехала рожать в больницу. И была потрясена тем, что в больнице с ней происходит: почему на её наготу смотрят посторонние мужчины, а это врачи, почему подвергают унижительной «санобработке» и так далее. Это же ужас. В опыте деревенских женщин старших советских поколений роды – это интимно, тепло, темно, а вокруг родные люди. Муж, который всегда принимал участие в родах, был рядом. Чаще всего он был на подхвате – за повитухой побежал, воды принёс и согрел, и так далее. То есть деревенские роды предполагали его деятельное участие. И это тоже была поддержка для роженицы.

ВОКРУГ КОЛЫБЕЛИ

Светлана Адоньева в саду дома-музея Владимира Личутина в Мезени

– А встречались случаи, когда, наоборот, сначала рожали в больничных условиях, а потом в домашних?

– Есть такой пример – конца 1960-х годов, когда первого ребёнка женщина родила с фельдшером, а потом фельдшер ушёл в отпуск и сказал: «У нас отличная бабка-повитуха. Не переживай, она всё хорошо сделает». И женщина тоже поражается – оказывается, и так можно рожать, не раздеваясь, не укладываясь на спину!

– Вы сказали, что записи велись в Архангельской и Вологодской областях. Есть различия в том, как принимали роды в той и другой области?

– Да, отличия есть. Например, в Вологодской области мытьё и правка ребёнка проходили в печи. А в Архангельской области – в бане.

«С гуся вода, а с Ванечки вся худоба»

– Почему роды и всё, что вокруг них происходило, вы причисляете к фольклору?

– Фольклор в прямом переводе – народное знание. Народное знание чаще всего концентрируется и удерживается в речи, в устойчивых речевых формах, связанных с повседневными практиками. Например, идиома «с гуся вода» восходит к заговору, который произносит тот, кто моет ребёнка: «С гуся вода, с имьярека вся худоба». С этими словами мыли ребёнка деревенские бабушки. И, надо сказать, продолжают мыть, приговаривая, их внуки.

– И мы плавно перешли к магическим практикам. Современные люди любят слушать истории, связанные с ними. А применяют ли их в современной повседневной жизни?

– К этим практикам очень разное отношение. Кто-то верит абсолютно и безоговорочно, и оно работает, ну, наверное, потому что верят. Кто-то относится

скептически. Но этот пласт так и остался одним из самых загадочных. И очень интересно смотреть, как это работает в современном мире.

Есть очень много штампов в отношении фольклора, они обеспечены школьным невежеством. Например, в отношении былин. Их не читают. В лучшем случае школьники читали пересказы и адаптации. Никто не читал неадаптированных сказок. Вот так же мало что известно и о целительских практиках. Хотя они присутствуют во многих культурах. Они основаны на том убеждении, что человек – это не только тело. Он состоит из тела и души, он плотно связан с социальным, природным и надприродным миром. И если у тебя с мирами что-то не так, то ты болеешь. Целительские практики направлены на восстановление нарушенных связей.

– Официальная медицина к этим практикам относится настороженно...

– В 2013 году Всемирной ассоциацией здравоохранения был издан документ «Стратегия ВОЗ в области народной медицины: 2013–2024», задача ассоциации виделась во включении традиционных целительских практик в официальную медицину. В нашей стране, как и во многих других, это всё ещё не так. Но, например, в Китае ты можешь получить и современную медицинскую помощь, и традиционную в одном и том же учреждении.

Мы стараемся смотреть на целительские практики как на отечественное культурное наследие – ценное и малоизученное. Мы много общались со специалистами, которые занимаются человеческим здоровьем, – физиологами, врачами, специалистами по детской речи, психотерапевтами и так далее. Мы им показывали наши записи, просили, чтобы они их прокомментировали. В результате этой многолетней работы, исследований, обсуждений,

междисциплинарных семинаров и стало возможным издание «Магические практики севернорусских деревень», публикации предваряются моей статьёй, которая объясняет наши подходы к этой теме. Наша задача состояла в том, чтобы показать, что магические практики – это способы исцеления, основанные на определённом убеждении. Человек не только тело, и не только отдельное тело. Он не является отдельным существом. Он всегда часть какой-то системы. Ну, например, часть рода, часть семьи, часть сообщества, часть экологического ландшафта, в котором он вырос.

– Можно это увидеть на примере?

– Давайте покажу, как это работает на примере материнства. Современные матери убеждены, что очень важно новорождённого приложить к груди. Общим является убеждение, что самая главная связь – связь между матерью и ребёнком, система «мать и дитя». В деревенской традиции самая главная связь – это связь с семьёй-родом. Ребёнок приходит в мир не к матери, а в семью. А если это первый ребёнок, то, скорее всего, и не к отцу, а в род отца, где старшие члены – бабка и дед. В этой системе ему нужно выделить место. Поэтому самый важный ритуал принятия новорождённого – это водворение. И водворяет его не мать, а старшая женщина рода мужа. Чаще – свекровь. Она берёт ребёнка на руки, вносит его в дом, ходит по четырём углам, кланяется, читает молитву. Представляет его всем невидимым силам, хранящим дом и род, небесным силам, духам дома и предкам. Младенец в деревенском доме помещался не в углу, не у окна, а ровно в центре жилого помещения, именно так размещалась зыбка – между красным углом и печью. То есть всё, что происходит в семье, происходит вокруг него.

– Можно сказать, что мир вращается вокруг его колыбели?

– Да. Он чувствует все эмоции, речь вокруг него льётся. Малыш прямо в центре этого мира. Когда он подрастал, он перемещался на печь, на полати. И эта традиция характерна как для Пинеги, так и для Мезени.

Если ребёнок плохо спит, то делается вывод, что тут что-то нарушено в отношении пространства, времени или связей: что-то сделано или сказано не там, не вовремя или не теми. Тогда младенца «ладят», в этом обязательно участвует мать. То есть убирают тот разлад, который случился с ним, его близкими и окружающим его миром. Действия при этом ритуале обязательно много раз повторяются. Например, нужно ходить и заговаривать младенца 12 зорь или семь недель ходить утром за водой для омовения. Или, например, за водой для заговора или лечения нужно идти через всю деревню молча. Так, на секундочку, как по деревне молча пройти? Как это возможно? То есть на самом деле у матери младенца, у его семьи меняются привычные сценарии действия.

– А обряд водворения проводят сейчас?

– Да. Например, какая-нибудь опытная женщина, бабушка, крёстная видит, как её молодые соседи или родственники мучаются с ребёнком, который по ночам не спит. Спрашивает – водворяли ли его? Если нет – она делает это. Она делает то, что делала для неё её свекровь.

– Сейчас можно увидеть различные сборники заговоров, их пытаются применить в жизни...

– Я думаю, что это бесполезно, если заговор вырван из контекста. Важен не сам текст, а те связи и отношения, которые различает заговаривающий посредством своей речи, его сила, компетенция и авторитет, а также те метафоры, которые позволяют выстроить ряды подобий телесного, пространственного и вещного.

– Над каким изданием сейчас работает ваш центр?

– Два издания серии «Севернорусские сказки в новой записи» и «Певческая практика Мезени», надеюсь, в конце этого года выйдут.

Над двумя другими изданиями «Прочтения» и «Мифологические рассказы» сейчас идёт работа.

Беседовала Светлана ЛОЙЧЕНКО
Фото автора

Татьяна Гиппиус «В роддоме». 1939 год